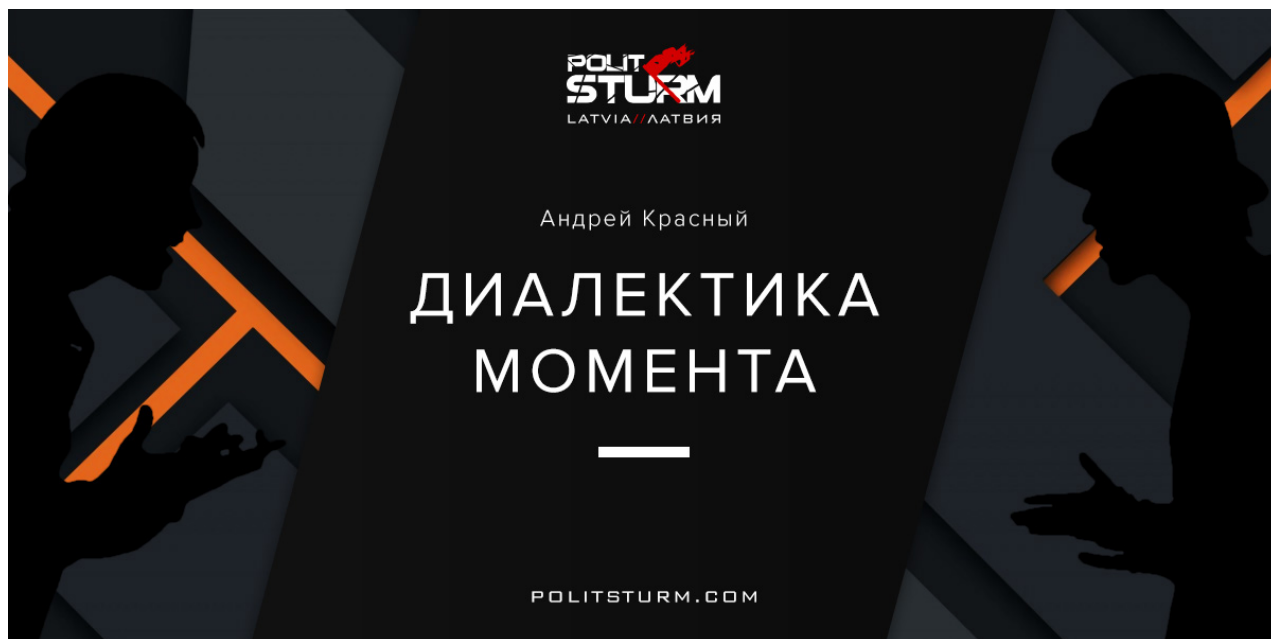

Диалектика момента

POLIT
STURM
LATVIA/LATVIA

Андрей Красный

ДИАЛЕКТИКА МОМЕНТА

POLITSTURM.COM

2017-06-30

5 мин. на чтение

В текущий момент капиталистической реакции крайне важным моментом является наличие «истории успеха», пусть даже она является выдуманной или раздутой. Доказано, что такая «история» вполне способна обеспечить какое-никакое, но существование изуверских порядков на территории бывшего СССР на протяжении последних двух десятилетий. И в этом смысле Маркс, Энгельс и Ленин были такими философами, которые подходили ко всем вещам не с точки зрения формальной логики, а с точки зрения развития законов природы и экономики.

Несмотря на то, что Карл Маркс не был тем, кто открыл миру классы и взаимоотношения между ними, именно этот великий мыслитель описал законы взаимоотношений между классами, их развитие, смены общественно-экономических формаций. А Ленин впоследствии описал законы развития капитализма в эпоху монополизации и слияния капитала с государствами, то есть – в тот момент, когда капитализм перерос свою начальную стадию – «свободную конкуренцию и рынок», а значит, действовал уже совсем по другим законам, по иной логике.

В каких-то «маленьких делах», в пределах своего огорода или семьи обычно действует формальная логика. Но применять законы своего «маленького мира» на всё противоречивое развитие нашего общества не получится. В этом смысле, Ленин оказался на голову впереди не только своих единомышленников и современников, но и меньшевиков, эсеров и прочих социалистов. Момент взятия власти большевиками был выверен с точностью до миллиметра. То есть, вчера было «ещё рано», а завтра было бы «уже поздно». Это и есть та самая диалектика момента.

Но вернёмся в наш текущий момент. На всём постсоветском пространстве бушует свирепая реакция, но это отнюдь не единственная проблема. Произошла также глубокая деградация и деформация левых движений, а марксизм оказался загнан в глубокое подполье. В бывшем СССР зачастую даже в «левых кругах» пытаются объявить марксизм устаревшим и реакционным. Но так ли это на самом деле? И почему тогда все «левые модернисты» находятся в глубоком кризисе?

Надо сказать, что лучше всех законы марксизма и законы диалектики у нас усвоили правящие круги. И это тоже неспроста. У них за плечами имеется горький опыт поражений первой половины XX столетия, огромные потери влияния, потери капиталов. Многие современные пропагандисты постоянно ссылаются на «успешный опыт» западной модели «социального» капитализма второй половины XX столетия, умышленно опуская то, что всё «человеческое», что обрёл капитализм на этом этапе является заслугой противоположного лагеря, заслугой социализма. Потому что именно ему капитализм обязан своей усиленной модернизацией, отступлением от своей обычной практики. Ведь именно после разрушения СССР и социалистического блока мы наблюдаем сворачивание всех социальных институтов при капитализме.

После падения социализма в СССР и СЭВ капиталистическая система не просто лишается «плохого примера», с которым вынуждена конкурировать, доказывать свои «преимущества», но и ещё получает огромные рынки сбыта и безграничные трудовые ресурсы. В этот кульминационный момент мировая капиталистическая система получает не просто долгосрочную передышку, но

и значительно укрепляет свои позиции не только экономически, но и идеологически. В 1990-х годах открыто говорят о «конце истории», о победе либеральной модели общества, победе капитализма. Крайний индивидуализм объявляется одной из ключевых ценностей сложившихся порядков.

Достаточно показательным является опыт левого движения в Латвии, в одной из республик бывшего СССР. Дело в том, что всю глубину кризиса латвийских левых невозможно объяснить лишь одними процессами реставрации буржуазных порядков и банального расхищения общественной собственности на средства производства. Апогей идей крайнего индивидуализма, к которому население было настроено благосклонно уже в позднем СССР, проник в само массовое мышление рабочего класса. В массовом сознании преобладали формулы «для себя» и «лично мне, а не обществу». Поэтому советские трудящиеся так легко наблюдали процессы расхищения общественной собственности и никак этим процессам не препятствовали. Так, в Латвии на фоне примитивных националистических формул пропагандисты восстановленного буржуазного режима рисовали «маленькое счастье» простого человека, который будет жить в «приватизированной» квартире и содержать свою «спекулятивную» торговую лавку. «Успешность» этой формулы подтверждалась «личными успехами» представителей правящего класса в расхищении социалистической собственности. Конечно, это вовсе не значит, что «дикий капитализм 1990-х» автоматически сделал всех «успешными» предпринимателями. Это означает лишь то, что на фоне существующей реальности левое движение деградировало вместе с обществом. Ведь левое движение и партии в Латвии — это такое же зеркало латвийского общества.

«Успехам» деградации общественного левого движения мы также обязаны тем, что на 1990-2000-е годы в Латвии фактически не находится значимых фигур уровня первой половины XX столетия. А ведь историю двигал вперёд в том числе и латышский марксизм.

И диалектика момента здесь заключается в том, что фактически копируя реакционные общественные настроения после падения социализма в СССР, латвийские левые больше озабочены своими «маленькими делами», нежели изучением реального положения вещей. В левом движении Латвии напрочь отсутствует понимание текущих процессов. Иначе говоря, латвийские товарищи не умеют применять марксизм к текущему моменту — у них практически отсутствует понимание того, что одно и то же явление в разное время может быть противоположным по смыслу и значению.

В Латвии в этот период была широко распространена практика появления тех или иных общественных организаций левого толка. Но здесь важно понимать то, что отдельные товарищи в разное время могли играть прямо противоположные роли в латвийском левом движении. То есть, если на начало нулевых годов ввиду конкретных исторических условий отдельный политический активист играл прогрессивную роль в движении, то уже спустя десятилетие ввиду вырождения левого движения и его постоянного сползания в кризис он вполне мог занять прямо реакционные позиции. При желании, таких примеров можно отыскать немало в любой организации, претендующей на какую-то общественную роль в Латвии после реставрации капитализма.

Это не значит, что левое движение Латвии движется по нисходящей только вниз, только мельчает и деградирует. Но повышение уровня грамотности отдельных левых активистов, как и другие положительные тенденции в левом движении, остаётся незамеченным, замалчиваемым явлением на фоне политической реакции.

Буржуазия тоже не сидит сложа руки – господствующий класс в Латвии очень усиленно работает с населением. Пропаганда через индивидуализм, буржуазность, массовую потребительскую культуру, становится всё более объёмной и разнообразной. Технические и научные достижения общества облегчают продвижение пропаганды в правильном русле. На этом этапе также вскрывается массовая слабость левого движения в том, что оно до конца не использует имеющиеся возможности для продвижения своих идей.

Закрепление лидирующих позиций за молодёжным коммунистическим движением АКМ (Авангард Красной Молодёжи в Латвии) в нулевых годах было следствием того, что ребята на тот момент максимально использовали предоставленные текущим моментом возможности. К сожалению, серьёзных интеллектуальных ресурсов и сил на дальнейшее развитие у них не нашлось. Латвийские власти успешно открыли рынок труда для пролетариата в Европе, и с помощью пропаганды того же «личного успеха» снизили градус социальной напряжённости в республике. Это даёт большой запас прочности мракобесным националистическим движениям, которые имеют постоянную прослойку своих сторонников во всех классах, в том числе среди трудящихся, и смягчает последствия националистической диктатуры внутри республики. Ведь благодаря сбалансированности неумелого управления в Латвии и наличию возможностей искать работу за пределами Латвии, режим имеет существенную стабильность.

Современные проблемы левого движения выражаются не только в потере своего традиционного «электората», «вырождении латвийского пролетариата», но и в том, что все текущие левые группы, движения или партии так и не научились проводить грамотный политический анализ текущих событий, равно как и искать способы донесения информации до своих сторонников.

В то же самое время, на фоне относительной грамотности латвийского населения дичайшим образом выглядит откровенно предательская работа «официальных» левых политиков, которые голосуют в унисон правым партиям, правящему классу. На фоне таких вот «защитников трудящихся», противоположный лагерь и даже мракобесные националисты выглядят выигрышно, так как даже самые абсурдные идеи навроде закрытия границ для инакомыслящих легко воплощаются через законодательные инициативы.

В текущий момент происходит взаимное отторжение латвийских трудящихся, никак не защищённых от буржуазного произвола, от таких переродившихся «левых» политиков, которые взамен успешного решения своих «маленьких личных дел» всё больше теряют влияние в обществе. И в конечном итоге, закономерно утрачивают влияние на ту часть населения, которую в теории призваны защищать.

Подводя итог, можно сказать, что главным образом, от правильного понимания текущего момента и сложившихся условий зависит дальнейшее развитие марксизма и всего левого движения в Латвии.

Андрей Красный

Оригинальная статья